

СТРАШИЛКИ

Ночь
восставших
мертвецов



Елена Усачева

Ночь восставших мертвецов

«ЭКСМО»

Усачева Е. А.

Ночь восставших мертвецов / Е. А. Усачева — «Эксмо»,

Кукла! Страшная кукла преследует Илью Шагунова и шепчет ужасным голосом: «Мне нужны твои глаза...» Маленькие ручки уже подбираются к перекошенному страхом лицу мальчишки. Еще мгновение – и ужасная игрушка лишит Илью зрения и сделает своим рабом. Бежать! Спасаться! Но все ближе топот маленьких ножек, пластмассовая малютка в кружевном платье настигает Шагунова. А вместе с ней по следу бедняги идут Восставший Мертвец и Сумасшедший Коллекционер. Смерть уже дышит Илье в затылок. Он либо спасется, либо погибнет! Третьего не дано...

© Усачева Е. А.

© Эксмо

Содержание

Глава I	5
Глава II	15
Глава III	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Усачева

Ночь восставших мертвецов

Глава I

Опасные игры

Все это произошло из-за того, что Илья Шагунов был неудачником. Неудачником родился, неудачником остался. Об этом знали все. Но Левка Сидоров с Сашкой Квасниковым в какой раз забыли об этом и повелись на очередную бредовую Илькину идею.

И чем все закончилось? За окном раннее утро субботы, а они все сидят в забаррикадированном кабинете химии и ждут неизвестно чего!

А что тут можно было ждать?

Они торчат здесь, а ОНА вместе со своим Мертвецом там, за дверью. Бегает по крошечному аппендиксу пятого этажа их родной школы и скрежещет зубами от радости. Добыча у нее почти в руках.

Три дня беготни, криков, драк и поиска выхода из безвыходной ситуации – и все коту под хвост.

Выхода теперь не было никакого. Либо ЭТОЙ в пасть, либо головой вниз с пятого этажа.

Хотя с пятого этажа – это рано. В любой безвыходной ситуации может найтись крошечная лазейка для трех мальчишек.

Сашка Квасников в сотый раз подергал намертво закрытую раму окна.

– Хоть бы кто-нибудь нас увидел! – в сердцах произнес он, ударяя по стеклу кулаком.

На площадке перед школой показались две девчонки с рыжей собачкой на поводке. Первые люди за всю ночь!

– Эй! – завопил Сашка, припечатывая обе ладони к стеклу. – Помогите! Люди! Эге-гей!

Одна из девочек в ярко-малиновом берете подняла голову... и посмотрела прямо на них!

Тут уж все трое прилипли к окну. Левка Сидоров даже лбом ударился в попытке лучше рассмотреть свою будущую спасительницу.

Девочка улыбнулась, помахала в ответ рукой и побежала догонять свою подругу.

– Куда? Стой! – Квасников со всей силы ударил по раме, так что стекла зазвенели. – Не уходите!

– Что она может сделать? – Илья спрыгнул с подоконника. – Суббота, школа закрыта. Подойдет к дверям, увидит, что войти нельзя, и домой пойдет.

– Ну ты, Менделеев! – Сашка снова стал злиться, хотя за прошедшую ночь все уже охрипли от криков. – Я хоть что-то делаю, а ты только пробирками звенишь.

Илья, и правда, снова стоял за демонстрационным столом и что-то смешивал в расставленных перед ним пробирках. Жидкость у него получалась ядовито-зеленой. Этот цвет наводил на неприятные воспоминания о Воскресшем Мертвеце.

Не успел Левка о нем подумать, как дверь вздрогнула от удара. Баррикада из парт и стульев перед дверью закрипела, словно размышляя, падать ей сейчас или еще немного продержаться.

– Хватит заниматься ерундой! – Сашка побледнел, губы у него затряслись. Он прыгнул к столу и одним движением смахнул всю стойку с пробирками.

Звон бьющегося стекла перекрыл громкий хлопок. Что-то с чем-то вступило в реакцию. Смесь закипела и вспыхнула. Шустрый огонек пробежал по полу, устремляясь к баррикаде.

Сообразительный Квасников схватил с подоконника лейку и плеснул воды в невысокое пламя. Огонь вырос в человеческий рост.

– Глупо так себя вести! – Илья приволок из лаборатории темную штору и бросил ее во взметнувшееся пламя. Пожар тут же успокоился. – Щелочь в соединении с кислотой, да еще H_2O ...

– Не грузи, Лобачевский, – вяло отмахнулся Сашка. – Пускай уж лучше здесь все сгорит, чем нас съест ОНА...

А Левка подумал, что по большому счету все началось не с Ильки, а с Сашки. Это была его идея испробовать Универсальный Летательный Аппарат, то есть куклу Улю, на покойниках...

Сколько Левка помнил, Илья Шагунов, с первого класса прозванный Илькой-Шпилькой за маленький рост и щедрое телосложение, постоянно что-то мастерил.

Невысокий, лохматый, с вечно красными глазами от ночного чтения под одеялом с фонариком, Шагунов бредил мистическими открытиями. Наверное, он перечитал все, что можно, о черных магах, заклинаниях и потусторонней силе.

В третьем классе он носился с идеей о философском камне, способном все, что угодно, превращать в золото. Тогда же к нему прилип Сашка Квасников. Они вместе бегали на ближайшее кладбище, торчали около церкви.

В детскую комнату милиции они тоже попали вместе. И теперь в школу время от времени непременно заглядывает долговязый Ник Саныч, должность которого звучит очень грозно – инспектор по делам несовершеннолетних. Но сам Ник Саныч никакой не грозный. Пару раз он даже доставал Шагунову что-то очень ему нужное для экспериментов.

В пятом классе Илья впервые спустился под землю, став настоящим диггером. Весь год Шагунов изучал подземные ходы и переходы, хвастал, что нашел какое-то сокровище, еще больше сдружился с Ник Санычем, потому что приводить к нему Илью стали чаще.

Шагунов мечтал создать настоящий кошмар, воскресить покойника или соорудить привидение с зелеными глазами и заставить черную простыню самостоятельно перемещаться по улице, наводя на прохожих страх.

– Все это когда-то уже было, – жарко шептал Илья на большой перемене, запершись в чуланчике уборщицы на пятом этаже. К тому времени к ним уже присоединился Левка Сидоров, так что в камерке их было трое. – В мире не существует ничего, что человек бы придумал. Все когда-то было на самом деле. В сказках Змей Горыныч взялся не из воздуха. Это предания о вымерших динозаврах. А Баба-Яга это самая обыкновенная скрытая сила леса. Мы сейчас изобретаем велосипед. Все уже давно существует – и философский камень, и рецепт живой воды. Он у кого-то есть. Надо как следует поискать.

То, что он говорил, было непонятно, но захватывающе интересно.

Потом Илья исчез на пару месяцев, а когда появился, сказал, что теперь у него все получится. Его верные приятели опять ничего не поняли, но все равно готовы были за ним следовать хоть на край света.

Как потом выяснилось, два месяца Шагунов просидел в букинистических магазинах, подслушивая разговоры взрослых. Оказывается, в «Букинист» порой навещают весьма интересные личности в поисках раритетных изданий. Личности охотились за книгами, а Шагунов – за личностями. И, судя по загадочному выражению лица, Илья что-то нашел.

Первым, что он сделал, былдвигающийся портфель.

Шагунов что-то такое в него положил, щелкнул замком и стал буравить потрескавшуюся кожу взглядом.

– Будешь двигать взглядом? – с пониманием спросил Сашка, который за два года общения с Илькой что-то такое прочитал, после чего чувствовал себя знатоком черных дел. – Телекинез?

Но двигать взглядом Шагунов ничего не стал. Он потер ладони и коротко произнес:
– Ну, пошли.

И тот пошел.

Портфель.

Разноцветные бока ходили ходуном. И хотя ноги у шагуновского чемодана не выросли, он все равно шел. Наверное, так «по щучьему велению» ходили ведра в известной сказке.

Илька смотрел на нас победителем. Сашка от восторга открыл рот. Левка же недовольно качал головой, прикидывая, сколько пришлось потратить сил на создание двигателя внутри небольшого замкнутого пространства портфеля и почему из него не идет дым, если работает этот самый двигатель на керосине.

Илькин триумф был недолгий.

Впечатлительная ботаничка, увидев приближающийся к ней шагуновский чемодан, завизжала, а уже через час пришел Ник Саныч. После чего Илька со своим замечательным изобретением пропал на неделю.

В школе он так и не появился, зато вызвал друзей к себе.

– Все готово, – торжественно произнес он, впуская гостей в комнату.

«Готового» в хорошо знакомой Илькиной комнате видно не было. Только стол, обычно стоявший около стены, переместился в центр. На нем что-то лежало, накрытое тряпкой.

Сашка сразу протянул руку к тряпке. Илька опередил его жест, загоротив собой стол.

– Не трогай, укусит! – предупредил он Квасникова.

– Ладно, не тани, чего там у тебя? – Сашка был нетерпелив.

Левке тоже было страшно любопытно, но он знал, что раньше времени из Шагунова все равно ничего не вытянешь.

– Внимание! – Илька задрал подбородок. В этот момент он представил себя не меньше, как на вручении Нобелевской премии за гениальное изобретение в области черной магии. – Событие века. – Он посмотрел на приятелей – достаточно ли они прониклись моментом. И когда убедился, что достаточно, коротким движением сдернул тряпку. – Великое открытие.

На столе сидела кукла.

Обыкновенная кукла, с локоть высотой, с потертым носом и в мятом платье. На грудь ей был пришит карман. Пришивал, видимо, Илька, потому что карман раньше принадлежал каким-то джинсам и на платье держался на трех крупных стежках. Хозяйка платья смотрела на ребят стеклянными равнодушными глазами и мило улыбалась.

Минуту друзья пытались разгадать «авторский замысел», но ничего умнее того, что Илька впал в детство, в голову не приходило.

– Что это за чучело? – недовольно хмыкнул Сашка. – В такие даже моя сестра не играет.

Удивительно, откуда у Ильки взялась кукла? Младших сестер у него не было, девчонки из класса давно не приносили с собой в школу любимых Ляль и Кать.

Объяснять, откуда на столе взялся этот странный предмет, Шагунов не спешил. Поэтому Сашка решил все выяснить сам и уже потянулся было к игрушке, как вдруг Илька заверещал сумасшедшим голосом:

– Не трогай! Потеряешь!

Как можно на ровном месте потерять куклу, Сашка не понял. Но на всякий случай сделал пару шагов назад.

И как потом оказалось, правильно сделал.

Илька произнес странное сочетание звуков, что-то типа «крвыч», и кукла взмахнула длинными искусственными ресницами.

Сашка подавился готовыми сорваться с его языка словами – Сидоров давно заметил, что в критических ситуациях Сашка начинает сильно тормозить. Вот и сейчас. Вместо того чтобы

отойти на безопасное расстояние, Квасников застыл и даже руку продолжал держать перед носом хлопающей ресницами куклы.

Дальше произошло невероятное: кукла чуть наклонилась вперед и цапнула Сашку за палец. Да так сильно, что потекла кровь.

А Квасников все стоял и стоял. С удивлением изучал укушенный палец и не двигался. Капелька крови упала на стол. Кукла быстро накрыла каплю ладонью и подняла на Сашку невидящие стеклянные глаза.

– Я не понял. – Квасников сунул палец в рот. – Это что?

Илька лучился улыбкой в тридцать два зуба.

– Это универсальная машина! – торжественно произнес он.

– Какая же это машина? Это кукла.

Видимо, Сашка все еще пребывал в слегка пристукнутом состоянии от увиденного. То, что сидело перед ребятами, просто куклой назвать было нельзя. Это был настоящий монстр.

– У меня сестры с такими играют, – не сдавался Квасников.

Он снова попытался потрогать странную игрушку, но кукла предостерегающе клацнула зубами и встала на ноги.

– Она на батарейках? – из дальнего угла спросил Левка Сидоров. – В магазине, что ли, купил?

В этой компании Левка был самым рассудительным и осторожным. И по-хорошему, его здесь вообще не должно было быть. Для него походы к церкви и встречи с инспектором по делам несовершеннолетних были слишком опасны. Но он держался рядом и даже пару раз ходил на кладбище. Правда, через ограду не перелезал, а стоял на стрёме, чем один раз здорово всех выручил, дав сигнал, когда сторож, почуяв неладное, пошел проверить, что за шорох раздается в его владениях.

Вот и сейчас он не бросился, как Сашка, изучать странную игрушку, а предусмотрительно стоял в сторонке.

– Какая батарейка! – возмутился Илька. – Смотрите: она может все!

Он подбежал к столу, оперся на него руками, пристально посмотрел в кукольные глаза и, снова произнеся загадочное «крвыч», приказал:

– Лезь на потолок.

Кукла спрыгнула со стола, спокойно подошла к стенке и вскарабкалась к самому потолку. При этом было ощущение, что она не просто карабкается, а летит.

– Машинка с моторчиком! – в восторге прошептал Сашка.

Услышав голос, кукла повернула к Квасникову голову и нехорошо улыбнулась.

– А чего это она на меня так смотрит? – Сашка поежился и снова засунул палец в рот.

– Я еще не совсем разобрался. – Илька смотрел на свое создание с обожанием. – Наверное, она считает тебя врагом.

– А больше она ничего не считает? – Квасников запустил в куклу тапкой. – Я ее сейчас по стенке размажу.

– Спускайся, – приказал Илька. – Отдыхай!

Кукла перепрыгнула на стол, села, опустила вдоль туловища руки и замерла.

– Универсальный Летательный Аппарат, – пробормотал Левка, с недоверием разглядывая игрушку. – Получается УЛА. Как юла. Зачем она тебе?

– Скорее Уля, – с радостью согласился Шагунов. – Это же классно! Неживой предмет, а двигается. Так ведь любого мертвеца поднять можно.

Сашка с Левкой переглянулись.

Им сейчас только оживших мертвецов не хватает.

Обоим сразу же захотелось плюнуть на очередную глупую Илькину затею и разойтись по домам. Ведь ясно, что ничего хорошего в подобных предприятиях, как и в оживших куклах, не бывает.

Но никто никуда не уходил. Приятели стояли и смотрели на Улю. Она же тупыми искусственными глазами смотрела в никуда и улыбалась. Кукла уже тогда все знала, а ребята все еще думали, что это шутки.

– За счет чего она двигается? – Левка наконец отважился выйти из своего угла.

– О! Это просто фантастика какая-то! – Илька сунул руку Уле в карман, чуть не оторвал его, но зато извлек оттуда кусочек желтой мятой бумаги. – Видели? Это ее и двигает!

На ощупь бумага оказалась мягкой слегка шероховатой тряпкой, очень похожей на замшу. На лоскутке карандашом было написано «крвыч».

Ребята устали на Ильку, ожидая рассказа.

– Да все просто, – захохотал Шагунов. Для него в жизни вообще все было просто. – Вчера я пошел в наш «Букинист». Копаюсь в отделе оккультных наук, одну книжку себе приглядел... Дорогая, правда. Стою, думаю, где бы раздобыть деньги. А главное, – сам себя перебил Илька, – народу никого в магазине нет. Вообще ни души, я да продавец.

– Нормальные люди в такие магазины не ходят, – не преминул вернуть слово Сашка. К печатному слову он питал вполне объяснимую для шестого класса неприязнь.

– Я не о том, – махнул в его сторону рукой Шагунов. – Не было никого. И тут я слышу: продавец с кем-то разговаривает. Я даже поначалу и внимания не обратил – говорят и говорят. Люди постоянно о чем-то говорят. А потом понял, что не с кем продавцу вроде бы разговаривать. Нет никого в магазине!

– Другой продавец из кладовки вышел, – предположил Левка.

– Я же говорю! – с азартом стал объяснять Илька. – Никто никуда не ходил! А тут мужик какой-то стоит, высокий, худой, седой весь, и так вкрадчиво что-то продавцу втолковывает. А сам руку в кармане держит, словно хочет что-то достать, но не решается. Я и не заметил, как подслушивать стал. Честное слово!

– Не заметил он, – фыркнул Квасников. – Небось сзади подкрался.

– Я даже выйти из магазина хотел! – Для убедительности Шагунов ударил себя кулаком в грудь. – И тут вдруг они про какой-то пергамент заговорили.

– Про что? – нахмурился Сашка.

– Это бумага такая, на ней моя бабушка пироги печет. – Проявил свою осведомленность Сидоров.

– Никакая это не бумага! – накинулся на него Илька. – Я потом специально в словаре Ожегова прочитал.

– Где? – Сашка начинал злиться. Он не любил, когда Шагунов при нем показывал свою повышенную осведомленность в тех вещах, в которых Квасников абсолютно не разбирался.

– Книжка есть такая. – Ильке сейчас было не до Сашкиных обид. – В ней все слова объяснены. Там написано, что «пергамент» – это специально обработанная кожа животных. И что на ней еще писать можно. И...

– Дальше, – мрачно произнес Сашка, демонстративно отворачиваясь.

– Я и говорю. – Шагунов повернулся к внимательно слушающему Сидорову. – Эти двое разговаривали о каком-то мужике. Что он, мол, был страшно богат, что умер недавно, что наследников набежала тьма, что теперь в магазинах станут интересные вещи появляться. Умерший, оказывается, был коллекционером, разные штуки интересные собирал. Тут мужик этот около прилавка всхлипывать начал, вроде как жалко покойника. Полез в карман за платком и обронил что-то, очень похожее на салфетку.

– А ты и поднял, – сокрушенно покачал головой Квасников. – Брать чужое нехорошо.

– Да погоди ты! – снова замахал на него руками Илька. – Не простая это была тряпка!

– И снесла курочка яичко, – противным голосом проблеял Сашка. – Да не простое, а золотое. Шагунчик, у тебя совсем с головой плохо?

– Это у тебя сейчас с головой будет плохо! – разозлился Илья.

Что может тощий Шагунов сделать высокому плечистому Квасникову, было непонятно.

– Досказывай давай! – прервал начинающийся спор Левка. – Долго нам еще здесь торчать?

– Я никого не держу! – отрезал Шагунов. – Это не простая тряпка! – Он потряс зажатым в кулак пергаментом. – Это живая вода!

Квасников прыснул.

– Она кого угодно оживить может! – не сдавался Илья. – Нужно слово написать и в карман положить. Тебя любая кукла слушаться будет. Как произнесешь то слово, что на пергаменте написал, – все, хоть на край света пойдет.

Илья сунул пергамент обратно в карман кукле и строго приказал:

– Крвыч! Встань на голову.

Кукла ожила, зашевелилась. В воздухе качнулись ноги в белых ботиночках. Раз, другой... На стол упала записка. Уля с грохотом свалилась на пол.

– Впечатляет, – хмыкнул Левка. – Зачем тебе летающие куклы?

– Кукла – это проба. – Илья подобрал упавшую игрушку. – Под руку просто попала. Ее мать зачем-то с работы принесла. Она же в театре работает, бутафором. Хотела, наверное, дома что-то починить. Я и взял. Не в самосвал же было пергамент засовывать.

– Да, летающий самосвал это сильно, – согласился Сидоров, разглядывая застывшую куклу. – Не нравится мне это. За шутки с оживлением всегда расплачиваться приходится. Да и искать эту тряпку будут. За такой ценной вещью охота начнется. Лучше пергамент сразу вернуть, пока не пришли и по шее не дали.

– А мне нравится, – вдруг выдал Сашка. – Подложим в карман какой-нибудь училке, и пятерка в четверти нам обеспечена.

– А что такое «крвыч»? – не унимался Левка.

– Первое, что пришло в голову. – Илья сложил пергамент в несколько раз и снова сунул кукле в карман. – Я подумал, что слово не должно быть простым. Тогда его может случайно кто-нибудь произнести. А «крвыч» даже случайно не сразу выговоришь.

Услышав слово-сигнал, Уля повернула голову к Ильке и пристально посмотрела ему в глаза.

– Илья Шагунов, – вдруг пронзительно произнесла она. – Глаза! – Кукольная ручка взметнулась вверх, указывая на Илькины глаза.

– Спокойно, – пробормотал Шагунов, отступая назад. – Тут еще надо кое-что доделать. Посмотреть, что и как здесь работает. Инструкции же нету.

Поняв, что от куклы не спрячется, он засунул ее под подушку и прикрыл сверху одеялом.

– Все под контролем. – От волнения Илья заметно побледнел, руки у него тряслись. – Стоит вынуть пергамент, и все заканчивается.

– А записку обязательно в карман класть? – Сашка с уважением смотрел на приятеля. Придумывать всякие штуки – это одно, а отважиться на воровство – это уже сродни подвигу.

– Наверное, можно куда угодно. – Илья нервно потер руки. – Там засунуть больше некуда. Да и эти... в магазине, про карман говорили.

– А может, и правда за покойников взяться? – Квасников выжидательно посмотрел на Ильку. – Ты же сам хотел найти универсальное средство оживления. Вот и испытаем. Устроим ночь восставших мертвецов. Кладбище рядом.

– Я как-то не подумал, – согласился Шагунов. – Неплохая идея! Точно! Попробовать ведь можно? А не понравится, записку вынем и сбежим. Вы со мной пойдете? – как-то неуверенно спросил он.

– Что ты собираешься делать с полуразложившимся трупом? – Левка, как всегда, был недоволен. – На кладбище одни скелеты лежат, ничего приличного вы не найдете. Слушайте, давайте вернем пергамент, положим куклу на место и пойдем в школу, а то мы и так полдня пропустили.

Илька упрямо сжал губы и вытащил куклу из-под подушки.

– Мы попробуем, – пробормотал он себе под нос. – Вернуть все на место всегда успеем. Главное не в этом!

Главное, конечно, было не в этом, а в том, что Илька действительно был неудачником. Ни одна его идея не заканчивалась хорошо. Сашка с Левкой испытывали это на собственной шкуре, и не раз.

Вот и сейчас вышла полная катастрофа.

Кладбище находилось неподалеку, всего в трех автобусных остановках от школы. Было оно старое, запущенное и стояло рядом с такой же запущенной церковью. На нем уже давно никого не хоронили, даже родственники усопших сюда заглядывали не часто.

Одно плохо: охранял его бдительный сторож.

Как его зовут, ребята не знали, но на себе успели испытать, что по ночам он почти не спит, слух у него отличный, да и зрением старика природа не обделила. И ружье он имел замечательное. А как бабахало!.. Вороны за три квартала в панике срывались с деревьев.

И вот к этому-то опасному месту ребята и подходили в сумерках.

Яркий свет машинных фар пробежал по темным кустам, на которых почти не осталось листьев. На мгновение над крестами выросли гигантские тени, трава пригибалась от ослепительных лучей. В эту секунду представлялись всякие ужасы – взлетающая вверх земля, вывернутый с корнем дерн, отодвинутая крышка гроба и идущая из темноты страшная сила...

Машина проезжала мимо, забирая с собой свет фар, и кладбище вновь становилось тихим и спокойным. Таким, каким оно было последние двадцать лет.

Сашка первым полез через ограду. Он никогда не видел покойников, да еще оживших, поэтому не знал, чего тут можно бояться. К тому же ему не терпелось поскорее приступить к делу. Илька шуршал кустами чуть позади. Преодолевать препятствия ему было неудобно – к груди он прижимал Улю.

Поначалу ее не хотели брать.

– Ты еще весь кукольный магазин с собой возьми, – возмущался Квасников. – Достаточно одного пергамента.

– А кто, интересно, вам будет могилу копать? – Левка не верил в успех предприятия, но, так как был в меньшинстве, вынужден был согласиться на поход.

– Подумаешь, делов-то, – замахал руками Сашка. – Пару раз лопатой взмахнул – и все. Шагунчик, у тебя лопата есть?

– Кукла будет копать, – вынес свой приговор Илька.

Как сказали, так и сделали. И вот теперь Шагунов шел, нежно прижимая Улю к себе, боясь споткнуться и потерять в темноте ценную игрушку.

Не успели Сашка с Илькой отойти подальше, как за их спинами раздался шорох.

Левка Сидоров шел напрямик, натываясь на оградки, даже не пытаясь попадать на неразличимые впотымах тропинки.

– Ты должен был нас ждать у ворот, – зашипел Сашка, толкая Левку в грудь. – Куда поперся?

Сидоров упрямо замотал головой:

– Вместе надо быть, – начал оправдываться он, стараясь не смотреть на разъяренного Сашку. – Такое дело... Я вас одних не оставлю. Надо отойти в самый дальний конец, сторож нас ни за что не услышит.

– Топай обратно! – Сашка пытался не срываться на крик, но от его шепота шума все равно было много. – Без тебя справимся! Давай!

Левка попытался обойти Квасникова стороной. Сашка толкнул его изо всех сил. Но Сидоров удобно встал около оградки, и сдвинуть его с места не получилось.

На том и кончилось бы это противостояние – они бы до утра пихались и топтались на неудобном пятачке между двумя участками, – если бы Илька не дернул их обоих на себя.

– Да идемте же! – нетерпеливо пробормотал он. – Не хотелось бы здесь встретить полночь.

Ребята оглянулись. Темное кладбище медленно засыпало. В вершинах деревьев слышалась редкая возня птиц. Отсветы машинных фар становились более четкими и зловещими. Оказаться здесь в час, когда темная сила вступает в свои права... Нет уж, дудки, предлагайте это кому-нибудь другому.

– Мы попробуем. – Илькины глаза горели решимостью. – Если покойник оживет... Хотя, может, на него пергамент и не подействует. Надо найти что-нибудь подходящее...

На этих словах кукла вырвалась из рук Шагунова и побежала по еле видневшейся в темноте дорожке. Передвигаться она могла только по тропинкам, высокая трава не пускала ее в самые заросли.

Ребята побежали следом, отпихивая друг друга, потому что каждый хотел лучше рассмотреть, что будет делать Уля.

Кукла добралась до могилы (как всем в тот момент показалось – первой попавшейся) и остановилась.

– Нашла, – произнесла Уля тоненьким голоском, по-деловому пролезла под оградку, бухнулась на колени и стала быстро-быстро работать руками. Через минуту она уже выкопала небольшую ямку, куда легко мог поместиться Илькин кулак.

– Так она будет до рассвета копать, – недовольно пробурчал Сашка, входя в калитку. – Сейчас еще выяснится, что выбрала она какую-нибудь древнюю тетку. Что мы потом со старушкой делать будем?

Продолжая что-то бормотать, Сашка наклонился, собираясь для начала рассмотреть, чья это могила, а потом уже показать кукле, как надо копать. Уля его жест поняла по-своему. Как только Сашка протянул к ней руку, она вцепилась зубами в его запястье.

Сашка взвыл так громко, что спугнул устроившихся на ночевку птиц. Вороны в темноте сбивали крыльями ветки. Вместе с палочками на ребят полетел мусор. Но Сашка всего этого не замечал, он воевал с куклой, которая не желала расставаться с его рукой.

– Пусти, гадина, пусти! – вопил он, колотя куклой по оградкам. – Я же тебя на запчасти разберу, по винтикам раскатаю!

– Прекрати! – в свою очередь тоненьким голоском закричал Илька, пытаясь оторвать куклу от приятеля. От неожиданности и испуга он забыл пароль, поэтому просто тянул Улю на себя, выкрикивая бессмысленные для куклы слова. – Я приказываю, оставь его.

– Ребята, сторож! – негромко произнес Левка.

Его услышали сразу. Квасников перестал бороться с куклой, а Илька, тихо охнув, полез в ближайшие кусты.

В наступившей тишине стали отчетливо слышны быстрые тяжелые шаги. К ним бежали. И тот, кто бежал, был пострашнее всех покойников, вместе взятых.

Друзья бросились в разные стороны. Левка помчался самой опасной и дальней дорогой – к центральным воротам, Илька неся к ближайшему забору. Но в этом месте забор был особенно высок, с лету перепрыгнуть его не получалось, поэтому Шагунову пришлось зайцем скакать еще в нескольких местах, прежде чем он смог оказаться на безопасной улице.

Сашке же не повезло. Видимо, от боли к руке он не сразу сообразил, куда ему податься. Поэтому и шагнул прямо навстречу сторожу.

Мимо забора проехала машина, свет фар пробежался по кустам и оградкам, из-за чего Сашка вырос раза в два, а глаза у куклы мрачно блеснули.

– Свят-свят-свят, – пробормотал сторож, забыв о ружье.

Воспользовавшись его замешательством, Сашка попятился и исчез за злополучной могилой. Калитка за ним сама собой закрылась, вырытая ямка исчезла.

Прождав приятелей на остановке условленные десять минут, Ильяка трусцой побежал к своему дому. О кукле он даже не вспомнил...

– Илюша, вставай, – пропел над Шагуновым мамин голос. – Тебя к телефону. И найди, пожалуйста, куклу, которую я вчера принесла с работы.

«Кукла!»

И кто после этого будет утверждать, что Ильяка – нормальный человек? Как можно было забыть про куклу? А между тем он про нее забыл.

– Я... это... – Ильяка тер спросонья глаза. – Наверное, она потерялась.

– Придется найти. – Мамин голос стал жестким. – Вставай, тебе звонит приятель.

Шлепая босыми ногами по линолеуму, Ильяка выбрался в коридор.

– У нас неприятности, – услышал он в трубке Сашкин голос.

– Еще какие, – согласился Ильяка. – Куда кукла делась?

– Понимаешь, – замялся Сашка. – Тут такое дело... Короче...

– Где кукла? – Илькино сердце вывалилось из груди и легким мячиком укатилось куда-то в сторону ванной.

– Это... – Сашка тянул время. – Так получилось... Понимаешь?

– Нет, не понимаю, – произнес Ильяка. И даже не произнес, а лишь губами шевельнул, но Сашка его услышал. – Она у тебя?

– А ты сам виноват! – вдруг заорал Сашка. – Завел страхолюдину, вот и присматривал бы за ней.

– Подожди, я скоро приду. – Вернувшееся сердце колотилось у Ильки где-то в области горла.

Не отвечая на удивленные вопросы мамы, Шагунов молниеносно оделся и, перескакивая через три ступеньки, помчался на улицу.

Сашка сидел во дворе своего дома. Был он особенно лохмат и бледен. Укушенная рука была перетянута большим носовым платком.

– Где кукла? – с ходу начал Ильяка.

– А черт ее знает, – пожал плечами Сашка, стараясь смотреть мимо приятеля. – Побегает и вернется. Она же твоя...

Ильке не понравилось это вступление.

– Моя, – кивнул он. – Унес ты ее зачем?

– Ее унесешь. – Сашка зло сплюнул и угрюмо уставился на пролетающую мимо галку. – Задание твое она выполнила.

– Какое задание? – Ильяка облегченно вздохнул, обрадовавшись, что кукла цела.

– Память отшибло? – Сашка вскочил и вплотную подошел к приятелю. – Она покойника оживила, как ты и заказывал.

– К-как оживила? – Ильяка испуганно икнул и сел на землю.

– А это ты у нее спроси! – Лицо Сашки перекошило от злобы. – Если она до тебя дойдет. Короче, видел я ее в окно. Топают... От горшка два вершка, а туда же – вышагивает как королева. А за ней кто-то лохматый прется. Я особенно не рассмотрел, но шли они к тебе.

– Так это здорово! – обрадовался Ильяка. – И чего орать? Это, значит, пергамент действует! Мы теперь все, что угодно, можем сделать!

– погоди ты радоваться. – Сашка сел обратно на скамейку и потер красные от бессонной ночи глаза. – Еще неизвестно, будут ли они тебя слушаться. Может, они на тебя обиделись и устроили бунт на корабле.

Илька замахал руками и стал убеждать Сашку, что все это не так. Что никаких бунтов не будет. С чего вдруг? Бездушная кукла и Восставший Мертвец, даже скорее скелет. Этой парочке только бунтовать.

– А в школе что-то произошло, – произнес вдруг негромкий голос.

Из-за Сашкиного дома незаметно появился Левка и подошел к приятелям. Выглядел он хорошо отдохнувшим, выспавшимся и абсолютно спокойным.

– Я внутрь не заходил, – продолжил свой доклад Сидоров. – С улицы крики услышал.

Ребята переглянулись.

– Ерунда все это! – Илька поднялся с земли. – Я их создал, они должны меня слушаться. Пойдем, сейчас все выясним.

И друзья пошли к школе.

Глава II

Крик о помощи

О том, что с Илькой лучше не связываться, было известно давно. Еще в первом классе родители не советовали с ним дружить. И ладно Сашка – он тоже умел влипать в разные истории. Но осторожный Левка как попал в эту передрагу? Уж он-то всегда чуял опасность за версту и умел обходить ее стороной. За все шесть лет школы он не был замешан ни в одной драке, не получил ни одного замечания от учителя, даже голоса ни разу не повысил. Порой казалось, что Левки Сидорова вообще не существует.

Но он был. Аккуратно писал контрольные и диктанты, вовремя сдавал сочинения, не пропускал субботники и дежурства. И вдруг такое! Наверное, и ему в последний момент изменило чувство самосохранения. Отправься Илька в тот раз в школу один, Сашка с Левкой были бы спасены. Но они пошли вместе.

Школа встретила их возбужденными криками. По двору носилась малышня. Учителя безрезультатно пытались собрать своих учеников. Окна третьего этажа были распахнуты. На землю белым снегом ложились изорванные странички учебников и тетрадей.

В коридоре ребят перехватила насмерть перепуганная ботаничка.

– Уходите отсюда, – крикнула она, ломая пальцы. – Скоро приедет милиция. Уходите!

Илька торжественно посмотрел на приятелей.

– Вот это сила! – произнес он так, как будто уже подчинил куклу себе. – Мы теперь станем королями школы!

Поток школьников с верхних этажей редел. На третьем этаже друзьям никто не встретился. Кабинет истории, где у них должен был быть урок, стоял распахнутым. Дверь висела на одной петле и жалобно поскрипывала. Из самого кабинета раздавался грохот, словно кто-то гигантский жонглировал партами и время от времени их ронял.

Когда грохот стихал, слышался спокойный холодный голос:

– Илья Шагунов! Илья Шагунов!

Первым в класс заглянул Илька. Парты там и правда были перевернуты. Уля держала у себя над головой последний стул, примеряясь, как бы его удобней бросить. В углу класса сидела темная бесформенная личность, облаченная в грязные лохмотья, скрывающие руки и саму фигуру неизвестного, длинные патлы прятали лицо.

– Илья Шагунов, – пронзительно повторила кукла, намереваясь разбить стул об пол.

– Поставь обратно. – Илька встал в дверном проеме и по-хозяйски упер руки в бока. – И иди сюда.

Кукла медленно, как бы нехотя, повернула голову на звук. Ее стеклянные глаза блеснули.

– Оглохла, что ли? – полез вперед Сашка. – Стул положи, откуда взяла, и топай, куда было сказано!

Еще медленнее Уля повернулась в сторону Сашки, уголки рта дернулись в наглой ухмылке.

– Илья Шагунов, – с каким-то странным придыханием повторила кукла. Ее рука пошла вниз.

Квасников с упорством танка шел на куклу, собираясь разобраться с ней по-своему, но его остановил Сидоров.

– Подожди. – Левка придержал рвущегося в бой одноклассника. – Видишь, не твоя игра. Дай Шагунову договорить.

– Вот так. – Илька шагнул в класс и кивком головы проследил, как стул опускается на пол. – А теперь – иди сюда.

На этих словах лохматая личность в углу шевельнулась. Кукла сделала два шага к Ильке, но, заметив это движение, остановилась.

– Иди ко мне! – настойчиво повторил Илька. – Я у нее сейчас записку из кармана выну, – бросил он через плечо. – И мы потом что-нибудь придумаем.

Уля явно колебалась. Она должна была выполнять приказ, но какая-то сила, мощнее Илькиного слова, заставляла ее сопротивляться.

– Ко мне! Быстро! – выкрикнул Шагунов, стремительно бледнея. – Крвыч! – добавил он и с испугом устался в угол. Чем ближе кукла приближалась к Шагунову, тем больше поднимался неизвестный.

И тут снова не выдержал Сашка.

– Она еще думать будет! – возмутился он, врываясь в класс. Это и положило начало всем нашим проблемам. – Гони записку и можешь отдыхать!

Квасников подошел к кукле и схватил ее за волосы. Игрушка заорала дурным голосом, издавая какой-то оглушительный звук. Она попыталась вцепиться в Сашку, но тот оказался шустрее. Чуть не содрав с нее платье, он дернул на себя карман. Слабые нитки поддались легко. Кукла изогнулась всем телом, пытаясь вырваться.

– Да угомонись ты, – грубо произнес Сашка, отбрасывая ставшую ненужной игрушку от себя.

Уля упала на пол и разлетелась на множество кусков, словно была не пластмассовая, а глиняная.

– Что ты сделал?

Илька упал на колени перед осколками. Он складывал кусочки, но они разваливались у него в руках. В эту минуту он ничего не видел и не слышал, хотя не мешало бы кое-что заметить. Потому что движение в углу стало особенно активным.

Нечто встало на ноги. И ребятам стало так страшно, как никогда еще не было.

– А-а-а! – закричал Квасников. – Восставший Мертвец! Покойник! – и выскочил за дверь.

– Бежим! – Левка потянул Ильку за куртку. Оглушенный Шагунов еще пытался сопротивляться. В голове у него вертелось одно: он обещал вернуть куклу маме и теперь этого сделать не сможет.

Наконец он поднял голову. Увиденное придало ему ускорения.

У существа, стоящего перед ними, Восставшего Мертвеца, как обозвал его Сашка, не было лица. У него вообще ничего не было. Одни лохмотья. И из этих лохмотьев смотрели необычные зеленые глаза.

Друзья вылетели в коридор.

– Где записка? – Илька догнал бегущего впереди Сашку.

Сашка разжал кулак. Там был с мясом оторванный карман и небольшой кусочек пергамента, заметно меньше того, что был вчера. На нем коряво было написано «крвы». Буквы «ч» не было, как не было и оставшейся половины.

Илька скомкал лоскут в кулаке и повернулся, чтобы идти обратно, словно он мог что-то еще исправить.

– Уходим, уходим! – дернул его за собой Левка.

– Да подожди ты! – оттолкнул его от себя Шагунов и не заметил, как разжал кулак. Ценный пергамент упала на пол.

Нечто двигалось неспешно, но было неумолимо, словно улитка, стремящаяся к своей цели.

– Остановись! – приказал Илька, выпрямляясь во весь свой небольшой рост.

Левка повис на плечах у приятеля, но сдвинуть тщедушного Шагунова у него сразу не получилось. Илька сейчас был похож на статую. Сильно побледневший, он остановился, вытя-

нув руку вперед, надеясь, что этот жест «заморозит» Мертвеца. Но он сам, похоже, верил в это плохо, потому что в глазах у Шагунова стоял ужас.

– Крвыч! – закричал он. – Стой!

Нечто пропустило приказ мимо ушей (если они у него были) и даже не подумало сбавить скорость.

– Потом разберемся! Надо уносить ноги! – Левка дернул Илью на себя из последних сил, и тот нехотя подчинился.

На лестнице он обернулся последний раз. По коридору неспешной походкой двигался неизвестный.

Ребята кубарем скатились вниз. Сашка мчался впереди. Илья бежал следом. Замыкал колонну Левка, следивший, чтобы в последний момент Шагунов не повернул обратно.

Вдруг Илья остановился.

– Этого не может быть, – пробормотал он.

– Ты глазам своим не веришь? – Левка налетел на него и побежал дальше. – Пошли! Они шутить не будут, сразу же в покойники запишут.

– Даже если она выполнила приказ и раскопала могилу. – Шагунов остался на месте. Вслед за ним встали и остальные. – Она не могла больше ничего сделать. Чтобы оживить Мертвеца, ей нужно было бы вынуть свою записку и порвать ее... – Он засунул руку в карман, достал воображаемый пергамент и резким движением поделил его пополам. – Она же собственную жизнь разрывала!

– Могла, не могла... Сделала, и все, – махнул рукой Сидоров. – Пойдем. Теперь это уже неважно.

– Вы идете или нет? – не выдержал Сашка.

– Я возвращаюсь. – Шагунов побежал обратно.

Квасников секунду смотрел ему вслед, решая, в какую сторону податься, и направился к выходу.

– Сидоров, ты со мной? – крикнул он через плечо.

Вместо ответа Левка помчался за Шагуновым. Больше всего ему сейчас хотелось догнать приятеля и наподдать ему как следует. Вот еще фокусы! Все на выход, а он в самое пекло голову засовывает. Еще не хватало вместе с ним погореть.

Илья скрылся за поворотом. Левка перешел на шаг, боясь за этим самым поворотом увидеть самое страшное...

Осторожно выглянул за угол.

Коридор был пуст. Из класса истории раздавался грохот опрокидываемых стульев.

Сидоров стрелой промчался от поворота до кабинета и застыл на пороге.

Класс, где еще пять минут назад был невероятный разгром, сиял чистотой. Вернее, не совсем сиял, потому что Илья успел кое-что здесь покрушить. Он освобождал пятачок, на котором должна была лежать разбитая кукла.

Должна была.

Но ее там не было.

Какая-то неведомая сила за несколько минут, что ребята бегали с третьего этажа на первый и обратно, привела класс в порядок, поставила на место парты и стулья, собрала остатки куклы, даже маленького осколочка не оставила, и убралась восвояси, прихватив с собой и куклу, и Мертвеца.

Илья сидел на полу, отодвигая мешающие ему парты, и шарил вокруг себя руками, на ощупь проверяя, верно ли видят его глаза.

– Куда Уля могла деться? – пробормотал он, ползая на четвереньках вокруг опрокинутого стула. – Ты видел, что с ней стало, когда Сашка у нее записку вырвал? Она развалилась. А значит, вчера на кладбище с покойником никакой запиской она делиться не могла, иначе бы

ее запчасти давно вороны по могилам растащили. Понимаешь? Здесь что-то не так. Мертвец сам ее нашел.

– Ага, нашел. – Левка не торопился входить в класс. Это могла быть западня. – Нашел, веничком в пакетик собрал и обратно, на свое место под плитой и под бдительный надзор сторожа, отправился. С куклой ему теперь не скучно будет.

– Ты чего несешь? – В сторону Сидорова полетел стул. – Какое кладбище? Этот... лохматый... теперь неизвестно что натворит. Если он соберет куклу, они весь город на уши поставят.

– Чего ты так волнуешься? – Левка переступил упавший фикус, до этого более десяти лет мирно простоявший в углу около доски, и вошел в класс. – Может быть, ничего и не было? Может, нам это показалось? Могла ведь быть массовая галлюцинация?

– Какая иллюминация?! – вылез из-под парты Илья. – У Сашки рука тоже иллюминацией покусана?

Шагунов отпихнул попавший на его пути стул и пошел в коридор. Все складывалось не так, как задумывалось с самого начала. Никакого гениального изобретения не получилось. Первый же серьезный эксперимент потерпел провал. Еще и от мамы за куклу попадет. Все, все было плохо!

– А вы здесь что делаете?

Илья вздрогнул. Перед ним стоял учитель физкультуры, прозванный за свою любовь к подтягиванию и к лазанью по канату «Кто над нами вверх ногами». Физрук был невысокий, худой, с неприятным колючим взглядом. Для него существовали только те ученики, которые сдавали нормы по прыжкам в высоту и длину, подтягиванию, приседанию и кто за минуту пробегал три километра. Шагунов к таким не относился, а потому встречаться с учителем не любил. Впрочем, не любил он и сами уроки физкультуры, которые по большей части прогуливал, заручившись справкой у Ник Саныча.

Физрук заглянул в класс.

– Так, – нараспев произнес он, крепче сжимая в руке бейсбольную биты – к встрече с неизвестными хулиганами учитель подготовился основательно. – Вся школа в панике, все уроки сорваны, а тут, оказывается, вот кто хозяйничает! Как там тебя... – пошевелил растопыренными пальцами физрук, вспоминая Илькину фамилию. – И ты Сидоров? От тебя я этого не ожидал.

Шагунов втянул голову в плечи, приготовившись к самому худшему. Физрук заметно покраснел, собираясь закатить грандиозный скандал. Но вперед вышел Левка, и гроза пронеслась стороной. Он мягко отстранил приятеля и, мило улыбнувшись, стал рассказывать физруку, как они примчались на зов ботанички, как бегали за неизвестным по всему классу, но никого не поймали.

Выражение лица Сидорова было настолько невинно, что учитель ему поверил. Он последний раз грозно посмотрел на замершего Илью и пошел дальше по коридору, заглядывая в распахнутые двери классов.

Не чувствуя под собой ног, Шагунов побрел к лестнице.

– Как ты думаешь, почему кукла пришла в школу? – спросил его Левка. Он довольно потирал руки, явно гордясь своим успехом. – Почему она не пришла к тебе домой? Она ведь знает, где ты живешь.

– Откуда я знаю! – огрызнулся Илья. На фоне сидоровского успеха, он чувствовал себя совсем плохо. Даже ноги отказывались нести его вперед. Они подгибались, задевали за ступеньки, норовя сбросить своего хозяина с лестницы вниз. – Я хотел, чтобы было прикольно. Думал: с куклой заживем весело! А что вышло? Мне теперь от мамы попадет. Физрук станет докапываться – что да как. Вообще – мрак.

– Она оживила Мертвеца, – гнул свою линию Левка. – Ночь с ним где-то прокантовалась и утром пришла в школу. Хотя легко могла, например, среди ночи к тебе завалиться. Вот

радость твоей маме была бы, – мечтательно зажмурился Сидоров, а потом лукаво глянул на понурившегося одноклассника: – Принесла одну куклу, а получила сразу две.

– Да ну тебя! – Илька решил, что Левка издевается. Конечно, удобно быть королем положения, если у тебя все хорошо – и дома не ждет выговор, и физрук не точит на тебя зуб.

– Может, тебя проводить?

Они уже стояли на непривычно пустом школьном дворе. Шагунов упрямо смотрел на мыски своих ботинок. На вопрос Сидорова еле заметно качнул головой.

Еще не хватало, чтобы его до дома провожали!

Не попрощавшись, Илька побрел прочь от школы. Ходьба его слегка успокоила, и он начал думать.

По большому счету, не так-то и трагично закончилась вся эта история. Могло быть и хуже. Кукла пропала? Но это не страшно, мама что-нибудь придумает. На то она и мама, чтобы находить выходы из безвыходных ситуаций, в которые попадает ее сын. Исчез волшебный пергамент? Ну и черт с ним! Все равно не очень было понятно, что с ним делать. Да еще кукла эта вдруг сбрендилась, покойника с собой приволокла. Нет, хорошо, что все так закончилось. Пускай Мертвец возвращается в свою могилу вместе с Улей. А в «Букинист» можно вообще больше не ходить. Мало, что ли, в городе букинистических магазинов...

Убедив себя, что все не так уж и плохо, Шагунов расправил плечи и перестал спотыкаться.

Нет, жизнь вполне сносная штука!

Илька зашагал бодрее. Не вовремя выскочившую мысль о том, что все, может быть, не так радужно и что кукла, скорее всего, еще объявится, Шагунов загнал подальше и приказал сам себе в ближайший месяц не думать об этом.

Маршевым шагом он добрался до дома, вскипятил чайник и уже подумывал, а не провести ли ему какой-нибудь химический опыт, когда затрезвонил телефон.

– Это... – сопел в трубку Квасников. – Вы как?

– Нормально, – как можно беззаботнее отозвался Илька. – Никаких проблем! Мертвец забрал куклу с собой и отправился на кладбище. Так что можешь спать спокойно.

– Это... – Что-то там у Квасникова происходило, о чем он не решался с ходу сказать. – У Сидорова все ничего?

– Что с ним сделается? – Шагунов еще пытался говорить громко и весело, но чувство тревоги уже прочно поселилось в его груди.

– Кукла твоя нашлась, – выпалил Сашка.

– Осколочки в пакетике? – Илька до того свыкся с мыслью об окончании истории с куклой, что не сразу понял, о чем говорит Квасников.

– Нет. Вполне себе целая. – Квасникову было явно не до шуток. – Кое-чего, правда, не хватает.

Повисла пауза. Илька пытался осознать сказанное. На том конце провода что-то упало, и связь прервалась.

– Алло, – подул в плачущую трубку Илька. – Квасников, ты куда делся? Алло!

В ответ гудки исчезли, Шагунову прямо в ухо тяжело задышали, а потом пронзительный голос произнес:

– Илья Шагунов!

Илька в панике бросил телефон и испуганно оглянулся.

Вроде бы ничего не произошло, но Шагунов почувствовал себя неудобно.

А что, если куклу собрали?..

Илька замотал головой.

Этого не может быть! Уля была разбита на много-много кусочков. Даже его мама не смогла бы ее собрать. И даже если какой-то умелец все склеил, кукла не заговорит, потому что кармана у нее больше нет, а значит, нет и пергамента.

Пергамента...

Шагунов ощупал свои карманы. Как он мог забыть? Половина пергамента! Где она теперь?

Квасников!

Илька схватил телефон, но знакомого гудения почему-то не услышал. Из трубки лилась напряженная тишина, среди которой четко было слышно, как кто-то сопит. Причем сопит совсем близко.

За плечом.

Илька крутанулся на пятках, выпадая из тапочек.

Что за черт? Кто здесь может сопеть? В квартире он один.

Или уже не один?

– Сашка! – завопил Илька в трубку, как будто Квасников мог услышать его через три квартала, что их разделяли.

– Шагунов!

Словно струна порвалась у Ильки за спиной. Голосок был тоненький-тоненький. Таким в мультках муравьи говорят.

– Иль... Я!

Илька прижал к себе трубку и стал медленно отступать к своей комнате.

Коврик в прихожей шевельнулся – кто-то поправил его невидимой ногой. Или просто прошелся по нему. Ручка двери пошла вниз.

Забыв, что время от времени не мешало бы вдыхать в себя воздух, Шагунов с ужасом смотрел на бесшумно приоткрывающуюся дверь.

– Здравствуй!

Голос раздался со стороны кухни и был до того неожиданным, что Илька не сразу сообразил, откуда говорят.

Трубка выпала из его рук. От удара из нее вылетел аккумулятор. Быстро вертясь, он скользнул по линолеуму и остановился в двух шагах от маленьких ног, обутых в белые ботиночки.

Илька не мог оторвать глаз от черной коробочки аккумулятора, хотя уже понимал, кто стоит рядом.

Кукла выглядела ужасно. Она была склеена из сотен кусочков. Недоставало части щеки, половины правой руки и левой коленки. При этом Уля улыбалась неровными губами. Кармана не было. По центру платья был вырван приличный клоч.

Пергамент...

Места, куда можно было пристроить пергамент с кодовым словом, Илька не увидел. Если только его не засунули внутрь игрушки – вон сколько теперь там щелей.

Уля сделала несколько шагов вперед. Маленькие пальчики сжались в кулаки. Еле заметное движение ноги, и аккумулятор улетел куда-то в недра кухни.

– Остановись! – поднял руку Шагунов.

На Ильку напал странный ступор. Она делала все невероятно медленно, хотя не мешало бы немного поторопиться. Во входную дверь уже пролезло лохматое чудище без лица, Восставший Мертвец. Сжатые кулаки куклы недвусмысленно давали понять, что гости пришли к Ильке не чай пить.

– Крвыч! Остановись! – Шагунов схватился за ручку двери, ведущей в его комнату.

Услышав старый приказ, кукла нехорошо сощурилась.

С места они сорвались одновременно. Топот маленьких ножек прокатился по коридору, слева навалилась темнота. Ильяка всем телом налетел на дверь. Петли жалобно охнули.

Он успел в последний момент. Дверь захлопнулась. Шагунов изо всех сил упирался в дверь, потому что замка у него, конечно же, не было!

Но никто его дверь пока не штурмовал. С той стороны негромко поскреблись. Потом в щель между дверью и полом просунулась маленькая рука.

«По частям будет пролезать!» – в панике подумал Ильяка, тут же нарисовав себе жуткую картину. Кукла снова разбирает себя на кусочки и проталкивает их в комнату. Под конец остается рука и голова. Они долго спорят, кто пойдет первым, наконец, рука пропихивает голову и, приподнимаясь на пальчиках, маршевым шагом пролезает последней.

«Голова не пролезет», – с облегчением выдохнул Ильяка. Придет же на ум такая чушь!

Рука из-под двери исчезла. В стенку рядом снова поскреблись. Ильяка прислушался.

В тишине коридора, в негромком постукивании в дверь было больше ужаса, чем в оглушительном штурме. Лучше бы там шумели и кричали.

Ногой он придвинул к себе стул, вставил ножку в ручку двери.

В коридоре по-прежнему стояла тишина.

Ильяка отступил в глубь комнаты. Казалось, тишина продавликает дверь. И вот она уже прогибается, готовая уступить бесшумному натиску.

За спиной раздался шорох.

Ильяка повернулся.

С окна прыгнула маленькая фигурка.

– Ты должна меня слушаться! – крикнул Ильяка. Стекланные глаза Ули налились черной ненавистью. – Я тебя оживил!

Кукла молчала. Она медленно приближалась к своему создателю, сжимая и разжимая кулаки.

– Крвч! – из последних сил прошептал Ильяка.

– Твое слово не действует, – жестко произнесла кукла, прыгая вперед.

Стул упал, дверь распахнулась. На пороге замерло лохматое существо. Пронзительными зелеными глазами оно изучало свою жертву.

Кукла вскарабкалась Ильке на плечи, маленькой сильной ручкой схватила его за шею, оттянув голову назад.

– Я заберу твои глаза и убью тебя, – произнесла свой приговор кукла. – А потом найду твоих друзей. И если ты думаешь, что можешь мною командовать, то ты сильно ошибаешься. Это ты будешь выполнять мои команды, когда я вложу в тебя пергамент. А подобных пергаментов у меня теперь будет много. И сделаю я их из твоей шкуры.

Видимо, Илькино преступление в глазах Ули было слишком тяжким, чтобы выслушивать оправдания или хотя бы принять их к рассмотрению в ее одиночном суде.

Кукла приготовилась нанести последний удар.

– Помогите, – прошептал Шагунов.

– Ему, – кивнула кукла на лохматое чучело, – нужна твоя кровь. Тебе нужен был оживший покойник – получай его.

– На помощь! – прохрипел Ильяка, зажмуриваясь.

– Ничего себе погромчик!

Все на секунду замерли, повернув головы в сторону входной двери.

На лестничной клетке стоял Левка.

– А чего к телефону не подходишь? – Сидоров переступил порог и глянул на телефонный аппарат, стоящий на тумбочке в прихожей. – Я звоню, звоню... А у тебя гости? – Левка с удивлением смотрел на открывшуюся перед ним картину. – Во что играете? – В сидоровских

руках появился спичечный коробок. Он демонстративно брякнул спичками. – В прятки? Тогда я вас нашел.

Первая спичка сломалась, вторая загорелась, возмущенно фыркнув. Движением фокусника Левка вынул из кармана несколько смятых листков, бросил их на пол. Следом полетела спичка. Не глядя, Сидоров взял с тумбочки телефонную книгу и вырвал из нее несколько страниц.

– Считаю до трех. – Внешне Левка выглядел спокойно, но Илька-то видел, как он нервничал. – На счет два подпалю квартиру к чертовой бабушке! Ничего вы тогда не получите! Раз.

Илька почувствовал, как пальцы куклы ослабили хватку. За спиной сразу стало просторно. Шагунов скосил глаза.

Восставшего Мертвеца и след простыл. Кукла тоже исчезла.

Илька как замороженный смотрел на разгорающиеся языки пламени.

– Чего застыл? – заорал Левка, сдергивая с себя куртку. – Туши!

В Илькиной голове лениво текли мысли о том, что теперь его еще и за телефонный справочник ругать будут. А если мама увидит, во что он превратил куклу... Но об этом лучше не думать.

– Горячий прием. – Сидоров ногой раскидал тлеющие остатки бумаги. – Видал, как они смылись!

– Ты чего тут делаешь? – остановившимся взглядом Шагунов смотрел на прожженный придверный коврик и черное пятно на линолеуме. Что об этом скажет мама, представить было просто невозможно.

Со стороны кухни раздался грохот, словно там обвалилась полка с кастрюлями. Илька даже не шевельнулся: пугаться или удивляться он больше не мог.

– Откуда ты взялся? – Шагунов наконец сошел с места, нетвердой походкой добрался до кресла в комнате и упал в него. – Ты разве не домой пошел?

– Это ты домой пошел. – Левка с любопытством осматривал погром в квартире. – А я делами занимался.

– Какие у тебя могут быть дела? – недовольно проворчал Илька, у которого в голове все окончательно перемешалось. – Нам же сегодня уроки не задали.

– При чем здесь уроки? – Сидоров медленно прошел по комнате, провел ладонью по письменному столу, изучил собранную на пальцы пыль и устроился на подоконнике. – Как эти чудики у тебя оказались?

– Прежде чем залечь в могилу, Уля вместе с приятелем решила навестить старых друзей, – пошутил Шагунов, борясь с ознобом, сотрясающим его тело. Он плотнее вжимался в кресло и все пытался закутаться в плед. Теплее ему от этого не становилось. Да и дрожь не проходила.

– Весело у вас. – Левка подбросил коробок над ладонью. – Квасников заперся, гостей боится. Уля его, кажется, тоже невзлюбила.

– Что же, она нас теперь всех убивать будет? – Илька еще больше закутался в плед. – Подумаешь, головой об пол ударили. Меня самого так на физкультуре однажды приложили, что я очухался только в медпункте.

– Сравнил. – Коробок снова взлетел в воздух. – Это ведь не простая игрушка. Что-то у нее с этим пергаментом связано.

– Чего у нее там связано? – высунул нос из-под пледа Шагунов. – Самая обыкновенная кукла.

– Обыкновенная? – Левка потряс спичечным коробком. – Я подумал: может, эта кукла не случайно у тебя оказалась? Вряд ли какой-нибудь пятирублевый голыш стал бы так себя вести.

– Как это – не случайно? – Илька перестал дрожать и выпрямился. – Я у матери эту куклу стащил, она ее с работы принесла.

– А на работе ей кто дал?

Трык – хрустнула, ломаясь, спичка.

– Кто-кто, – недовольно буркнул Илья. – Заказчик. Да у моей матери этих кукол сотня! Какую не успела доделать, ту и принесла.

– Или ей специально дали, чтобы она домой принесла, куда в скором времени должен был прийти мальчик Илюша со своей добычей.

– Что ты несешь? – Шагунов откинул плед и встал. – Да если бы я не пошел в тот день в «Букинист», ничего бы не было!

В полной тишине коробок снова совершил свой небольшой полет над ладонью. Стукнулись друг о друга спички.

– Но ты пошел. – Левка посмотрел в глаза приятелю. – А дома тебя ждала кукла. Не сразу, а через несколько дней. Первым, кажется, ожил портфель?

Илья плюхнулся обратно в кресло.

– Не может быть, – прошептал он и стал вспоминать события двух прошедших дней. Кукла, кладбище, школа. – Откуда ты это знаешь? – медленно произнес он.

Сидоров бросил измочаленный коробок на подоконник и отряхнул руки.

– Я подумал, – не спеша начал он, – что не стоит пользоваться вещью, не зная инструкции. Может так случиться, что ты будешь пользоваться ею не по назначению. Поэтому я пошел в букинистический магазин и спросил о пергаменте. И мне там рассказали одну очень интересную историю...

– погоди. – Шагунов с трудом поспевал за мыслью одноклассника. – Ты пошел в «Букинист»? Что ты им сказал?

– Не им, а ему, – важно поправил Илью Сидоров. – Продавцу. Я ему рассказал, что в школе у нас творятся странные дела: кукла какая-то по коридорам расхаживает, – и описал ее. Угадай, что было потом.

– Он тебя в милицию сдал, – хмуро ответил Шагунов. – Решил, что ты украл пергамент.

– Не угадал. Продавец стал мне сказки рассказывать. Что, мол, давным-давно, еще в Средневековье, жил искусный мастер, кожевник. Его единственная дочь заболела и лежала при смерти. Тогда пошел мастер к колдуну и стал просить сохранить жизнь любимой дочери. Колдун долго отказывался, а потом пожалел мастера и велел принести куклу, похожую на его дочь. Мастер принес такую куклу...

– Улю? – стал догадываться об окончании сказки Илья.

Сидоров предостерегающе поднял руку:

– Колдун предупредил, что мастеру может не понравиться то, что получится в итоге. Но мастеру очень не хотелось терять любимую дочь навсегда. Колдун попросил у мастера пергамент, наполнил его жизнью девочки и вложил пергамент в куклу. Девочка была слепа, поэтому кукла ожила, но осталась без глаз.

– Без глаз? – повторил Илья.

– Кукла стала жить у мастера, – продолжил свой рассказ Левка. – Но она была лишь жалким подобием его дочери. Она была капризна, жестока и постоянно требовала, чтобы ей сделали глаза. Под конец мастер понял, что ошибся. Он попытался вынуть из куклы пергамент, но она не далась и убежала. С тех пор каждые тридцать три года эта кукла появляется среди людей и ищет себе глаза. Лет двести назад куклу вроде бы уничтожили, по крайней мере пергамент пропал. Но тридцать три года назад она появилась опять. И снова стала искать себе глаза. И говорят, скоро найдет.

– Что ты мне тут детские страшилки рассказываешь? – не выдержал Шагунов. – Где ты этого бреда наслушался!

– Ты сам не понимаешь, во что лезешь, – с жаром заговорил Левка. – И кукла, и записка оказались у тебя не случайно. Это все она подстроила, Уля. Кукла не будет тебя слушаться,

потому что на пергаменте написано не твое глупое «крвыч», а слово, которое еще задолго до тебя написали.

– Какое слово? – пробормотал Илька.

– Какое... – вздохнул Левка. – Кто ж его знает. Найти бы того колдуна и спросить. Но он уже больше семи столетий, как помер.

– Что же это получается? – Илька почесал затылок, но яснее не стало. – Выходит, меня использовали?

– Ты внимательно пергамент изучал, прежде чем свое слово на нем корябать? – спросил Сидоров.

Шагунов отрицательно мотнул головой.

– Продавец говорил, что слово это там так и осталось, только стерлось сильно.

– А-а-а! – Илька стал кое-что понимать. – То-то она так на меня всегда смотрела... Все про глаза твердила. И ведь, правда, приказы не выполняла. Эх, заново бы на пергамент посмотреть! Я бы это слово обязательно нашел!

– И что бы тогда сделал? – грустно покачал головой Левка – все-таки Шагунов был неисправим. – Я же тебе говорю – кукла опасна! От нее нужно избавляться, пока она сама от нас не избавилась.

– Как избавляться? – одними губами спросил Шагунов.

– Надо идти в магазин, все рассказывать и просить помощи, – жестко произнес Сидоров. – Продавец говорил, что нас подставили. Что тебя специально выбрали, что они не отстанут от тебя, пока не добьются своего.

– А чего она хочет? – жалобно спросил Илька.

– Человека, который ей даст глаза, – просто ответил Левка. – И власти над миром.

В комнате повисла тишина. Левка жестко смотрел на приятеля и ждал, что тот скажет. Илька хлопал ресницами, пытаясь выдать хотя бы одну мысль. Но в голове было пусто.

– Идем в «Букинист».

Сидоров встал.

– Да, идем, – машинально согласился Шагунов.

Телефонный звонок прозвенел так неожиданно и требовательно, что ребята одновременно кинулись в коридор.

– Помогите! – раздался из телефонной трубки истошный голос Сашки Квасникова. – Они...

Гудки отбоя ударили в барабанные перепонки.

– Не успели, – подавленно пробормотал Шагунов.

– Вот и кукла нашлась, – зло процедил сквозь зубы Левка. – Теперь мы точно знаем, где она находится.

Илька поискал в коридоре какое-нибудь оружие, подхватил веник и побежал следом за приятелем, чьи шаги уже были слышны на лестничной клетке.

Глава III

Илька теряет глаза

Они опоздали.

Дома у Квасникова их встретила расстроенная Сашкина мать, которая на все вопросы отрицательно качала головой. За ее спиной виднелся ужасный бардак.

Илька с Левкой снова оказались во дворе. Шагунов выбросил оказавшийся ненужным веник.

– Черт знает что, – бушевал Илька. – Сначала звонит, потом смывается! Мог бы и нас подождать.

Левка раздражение друга не разделял. Он стоял в подъезде и вертел головой, словно пытался рассмотреть какую-то мелкую птичку в ветвях деревьев.

– Вряд ли они далеко ушли, – задумчиво произнес Сидоров. – Мы их еще можем догнать. Идем.

– Кого ты собрался догонять? – орал Илька. – Куда этот балбес мог отправиться?

– Наша кукла вышла на тропу войны, – пробормотал Левка. – И теперь либо она нас, либо мы ее...

– Вы случайно не мальчика ищете?

В пылу спора ребята и не заметили, что в подъезде на лавочке сидит человек. Это был мужчина, скорее старик, худой, с короткими седыми волосами, с острым носом и подбородком. Лицо у него было бледно и неподвижно, словно принадлежало не живому человеку, а кукле...

Впрочем, о куклах думать сейчас не хотелось.

– Вы видели? – кинулся к старику Илька. – Мальчик... Да, мальчик! Двенадцать лет, полноватый такой. Куда его понесли?

– Понесли? – Голос у старика был чуть глуховат, а взгляд холодно колюч. Он смотрел невероятно внимательно, словно гипнотизировал. – Почему понесли? Он сам шел. У него еще с собой кукла была. Я удивился, зачем мальчику эта игрушка.

– Кукла! – От волнения Шагунов ударил кулаком по раскрытой ладони. – Куда они пошли?

– Туда, – старик неопределенно махнул куда-то влево.

Илька с Левкой посмотрели в указанном направлении. Там было шоссе, метро и множество автобусных остановок.

– Что он там забыл? – взвыл Илька.

– Он пошел на кладбище, – ответил старик.

Шагунов крутанулся на пятках. Старик сидел, чуть подавшись корпусом вперед. Спину при этом он держал невероятно ровно для своего возраста.

– На кладбище, – кивнул старик. – Они проходили мимо, и я слышал, как они об этом говорили.

– С кем это он разговаривал? – с недоверием спросил Левка. – С куклой?

– С ним еще кто-то шел. Я не разглядел. – Старик поднялся. Губы его были недовольно сжаты, словно своим недоверием ребята его обидели. – Они говорили о кладбище и о школе. Хотели и туда сходить. Может, это был его отец?

– Нет у Сашки никакого отца! – выпалил Илька и повернулся к Левке. – Идем скорее! Мы их догоним!

Сидоров не шелохнулся. Он внимательно смотрел на старика. Под этим пристальным взглядом старик развернулся и пошел прочь.

– Шевелись! Что ты застыл? – торопил приятеля Шагунов.

– Не нравится мне это. – Левка сдвинулся с места, но было видно, что мыслями он где-то очень далеко. – Чтобы Сашка добровольно пошел с куклой да еще с каким-то неизвестным...

Илька махнул рукой и побежал вперед.

Он себе никогда не простит, если с Квасниковым что-то случится. Во всей этой ситуации виноват он, Илька. Не вылезли он вперед с этим дурацким пергаментом, все бы мирно продолжали учиться в школе. Конечно, редко какие Илькины идеи проходили безнаказанно. Но такого всепоглощающего чувства вины у Шагунова еще не рождалось.

– Куды намылились?

Кладбищенский сторож смотрел на ребят нехорошим взглядом.

– Что-то я вас здесь раньше не видел. Или вы только по темноте шастаете?

– Мы из молодежного отделения Общества охраны кладбищ. – Пока Илька соображал, что бы такого сказать, Левка вышел вперед. – Проверяем сохранность могил и ухоженность территории. Вам должны были звонить.

– Никто мне не звонил. – Сторож на всякий случай попятился. – У меня и телефона-то нет.

– Тогда приходил человек и предупреждал. – Сидоров сделал нетерпеливый жест, собираясь пройти мимо охранника. – Двадцать минут назад к вам должен был прийти мальчик лет двенадцати со всеми документами. Там правительственное постановление!

– Не было никакого мальчика! – сторож прижался к столбу, пропуская странных посетителей. – Но если вам очень нужно...

– Нужно, нужно, – кивнул Левка.

Очутившись на территории кладбища, ребята юркнули к знакомому забору, через который они вчера проникали на кладбище.

– Малы вы, чтобы в общества вступать, – крикнул им в спину сторож, но следом не пошел. Решил не связываться.

Днем кладбище выглядело совсем не так, как ночью. Исчезли таинственность и загадочность, пропали призрачные тени, наводящие ночью панический страх. Теперь все было просто – дорожки, оградки, надгробия. Но зато сейчас было непонятно, куда идти. По каким они вчера дорожкам бродили? Какую могилу раскапывала Уля?

Илька вертелся вокруг могильных холмиков, тщетно вчитываясь в полустертые буквы.

– Что мы тут ищем? – бросил он неспешно вышагивающему среди пожухлой травы Сидорову.

– Квасникова, – после короткого размышления ответил Левка. – Я сам не понимаю, зачем старик послал нас сюда. Может, у него маразм? Что кукла забыла на кладбище? Хочет Сашку вместо своего Мертвеца в могилу положить?

– А как он выглядит, этот Восставший Мертвец?

Вопрос поставил Сидорова в тупик. Описать нового знакомого оказалось трудно. Лохмотья... зеленые глаза... Вряд ли подобную фотографию поместят на надгробном памятнике.

– А дедушка-то пошутил. – Левка зябко передернул плечами – солнце скрылось, по небу ползли дождевые облака, дул прохладный ветер. – Сидит такой старый маразматик у подъезда на лавочке и лепит всякую байду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.